

— Мог ли я заранее заявить в полицию о домогательстве, которое еще не произошло, чтобы полиция сидела в засаде?

Председатель Бо ненадолго умолк и, вместо того чтобы сказать «деньги решают», лишь ответил:

— Воспользовался связями.

Цзян Хуай: «...»

Логика железная, не поспоришь.

После долгой паузы Цзян Хуай нахмурился и уставился на Бо Цзянь:

— И как мне тебя благодарить?

— Тебе не за что меня благодарить, — тихо проговорил Бо Цзянь. — Это дело изначально не имело к тебе отношения. Я помогал не тебе, а Омеге, подвергшемуся домогательствам Сун Цзюня.

Цзян Хуай буркнул:

— Понятно.

— Но если ты так настаиваешь, — добавил председатель Бо, — я не стану тебе мешать... Как именно ты хочешь меня отблагодарить?

Цзян Хуай поднял голову:

— ?

— Как насчет того, чтобы каждую неделю приходить ко мне домой делать домашнее задание?

— Пошел к черту.

— Если не хочешь делать домашку, можешь заниматься у меня дома чем-то другим.

— Я не хочу делать домашку и не хочу к тебе домой.

Бо Цзянь, отсидев ноги на корточках, слегка приподнялся и, разминая запястье, произнес:

— Цзян Хуай, ты не мог бы...

«Тук-тук-тук» — раздался стук в дверь.

Бо Цзянь не успел среагировать, зато Цзян Хуай дернулся настолько резко, что тут же зажал Бо Цзяню рот. Тот как раз собирался встать, но из-за рывка Цзян Хуая потерял равновесие. С оглушительным скрежетом стул проехался по полу и с грохотом повалился набок.

Бо Цзянь оказался сидящим на холодном мраморном полу, подогнув ноги. Цзян Хуай стоял перед ним на коленях, все еще закрывая ему рот ладонью.

Их взгляды встретились.

Поза была не столько интимной, сколько двусмысленной.

Пальцы Цзян Хуая неловко дернулись, и он тихо спросил:

— У тебя дома кто-то есть?

Голос Бо Цзяня тоже прозвучал едва слышно. Когда он заговорил, его губы коснулись ладони Цзян Хуая, обжигая горячим дыханием. Цзян Хуай тут же отдернул руку.

— Чего ты испугался?

В дверь снова постучали.

Цзян Хуай поднялся, собираясь подойти к двери.

Бо Цзянь, все еще сидя на полу, перехватил его за запястье:

— Дверь заперта изнутри, не войдут. Да и звукоизоляция в моей комнате хорошая... Скорее всего, вернулась моя мама.

Цзян Хуай обернулся:

— ...Ты же говорил, твоих родителей нет дома?

Бо Цзянь поднял лицо:

— Когда ты пришел, ее не было, а теперь она вернулась. — Его ресницы слегка дрогнули. — Моя мама ужасно не любит, когда я привожу кого-то домой. Она у меня очень строгая.

Цзян Хуай: «...»

— И что делать? — спросил он.

— Может быть, — тихо предложил Бо Цзянь, — останешься на ночь в моей комнате?

От автора:

Председатель: Приглашаю тебя в постель ●°v°●

Цзян Хуай: Отказываюсь.

Сюй Вэньян на трибуне наносил клей на обратную сторону ведомости с результатами ежемесячных экзаменов — старина Линь велел ему повесить её на стенд с объявлениями в передней части класса.

Ученики толкались и вытягивали шеи со всех сторон, окружая Сюй Вэньяна.

— Не толкайся!

— Дай посмотреть...

— Там есть рейтинг по параллели?

— Кто в нашем классе первый?

Тишина длилась пару секунд, а затем тот же голос добавил:

— Или мне стоило сразу спросить, кто второй?

Стоило вывесить результаты, как середнячки, не способные с первого взгляда отыскать свои имена, проявляли гораздо больший интерес к вершине списка.

— Староста, председатель опять первый на параллели за ежемесячный экзамен?

Сюй Вэньян, зажатый со всех сторон, попытался оттолкнуть одноклассников:

— Да расступитесь вы, дайте приклеить, потом посмотрите... Бо Цзянь, разумеется, первый.

— Первый на параллели?

— А кто ещё? — Сюй Вэньян с хлопком прижал ведомость к доске.

— Сколько баллов у председателя?

Впрочем, отвечать не потребовалось — едва ведомость оказалась на стенде, все увидели сами.

Сюй Вэньян:

— Семьсот тридцать четыре.

Класс ахнул:

— Офигеть!

Варианты на ежемесячных экзаменах во Второй школе всегда были сложнее городских, а на этот раз точные науки вышли особенно тяжелыми. Сам старина Линь признал, что несколько задач по математике выходили за рамки программы. И даже при этом кто-то смог набрать за семьсот тридцать баллов?

Сложность тестов прямо отразилась на втором месте в классе.

Шестьсот восемьдесят девять баллов — седьмое место по параллели.

— Ну и монстр! По математике высший балл?

— Разве Бо Цзянь не всегда так пишет?

— Когда я набрал шестьсот, у него было семьсот тридцать! Когда я съехал до пятисот пятидесяти, у него все равно было семьсот тридцать! Это, блин, по-твоему одно и то же?!

— Брат, ростом цен богачей не напугаешь, понял?

Цзян Хуай лежал на парте, глубже надвинув капюшон. Осенний дождь с каждым порывом становился все холоднее; на улице шуршала морось, и даже сквозь шумящие в классе голоса доносился стук капель о землю. Идеальная погода для сна.

В воскресенье он вколол подавитель, так что нынешнее ощущение сонливости было ему хорошо знакомо.

Хотеть спать — это как раз нормально. А вот не спать, забивать голову всяким бредом и прислушиваться к шорохам за соседней партой — вот это, черт возьми, абсолютно

ненормально.

Над самой головой неожиданно раздался ошеломленный голос Вэй Хэпина:

— Брат Хуай, ты поднялся!

«...»

Не поднимая головы, Цзян Хуай выпростал руку и показал ему жест «проваливай».

Вэй Хэпин снизил тон до шепота:

— Ты в этот раз вошел в первые полторы тысячи по параллели!

«...»

На втором году обучения было чуть меньше тысячи шестисот человек, а номер Цзян Хуая в списке был 1534.

Для заядлого аутсайдера подняться на тридцать мест действительно было солидным успехом. В распределении оценок по параллели разрыв обычно оказывался самым большим в двух местах: в самом хвосте списка и между первым и вторым местами.

Цзян Хуай так и не поднял головы, показал Вэй Хэпину средний палец и отрезал:

— Свали.

Только тут Вэй Хэпин заметил, что голос Цзян Хуая звучит гнусаво:

— Эй, Цзян Хуай, ты что, простудился?

Цзян Хуай наконец издал невнятное:

— Угу.

— Похолодало в последнее время, одевайся теплее, — произнес Вэй Хэпин.

Цзян Хуай снова буркнул:

— Угу.

— Лихорадки нет?

— Нет.

Видя, что Цзян Хуай в таком состоянии, что даже головы поднять не может, Вэй Хэпин не стал донимать его дальше:

— Ладно, отдыхай, я пошел на место.

Едва Вэй Хэпин отошел, Цзян Хуай чуть приподнял голову, достал бумажную салфетку и под защитой капюшона вытер слезы, выступившие от заложенности носа.

Он простудился в субботу. И все благодаря председателю, из-за которого ему пришлось вылезать через окно. Окна комнаты Бо Цзяня выходили на южную сторону, а прямо под ними

расстился сад с пышными клумбами и деревьями.

Второй этаж был не так уж высок, поэтому Цзян Хуай спрыгнул прямо вниз.

И тут же поскользнулся на размокшем газоне, с размаху шлепнувшись на пятую точку.

В этот самый момент в его сторону развернулась автоматическая поливалка и обдала Цзян Хуая струей воды прямо в лицо.

Он задрал голову: у окна второго этажа стоял Бо Цзянь и, глядя на него сверху вниз, неторопливо произнес:

— Забыл сказать: внизу скользко, осторожно, не упали.

Цзян Хуай: «...»

— Поднимайся обратно, прими душ... И рюкзак ты свой забыл.

«...»

Вернулась тогда вовсе не Кэ Ин, а Бо Сянь. А в дверь стучала домработница.

Бо Цзянь простоял в спальне пару минут. Из его ванной доносился тихий, влажный шум воды. Наконец Бо Цзянь открыл дверь и вышел.

Бо Сянь заехал домой всего минут на десять. Ранее, когда Бо Цзянь выходил ненадолго и вернулся с мальчишкой, с ног до головы измазанным в грязи, отец ничего не сказал. Теперь же, когда Бо Цзянь спустился вниз, Бо Сянь взглянул на сына:

— Друг или одноклассник?

— И то, и другое, — ответил Бо Цзянь.

Отец всегда был куда мягче матери... но в ключевых вопросах бил прямо в цель. Впервые на своей памяти видя, чтобы сын привел кого-то домой, Бо Сянь усмехнулся:

— Он тебе нравится?

Бо Цзянь слегка нахмурился и ничего не ответил.

Бо Сянь поднялся. Бо Цзянь был уже выше собственного отца.

И гораздо превосходил его в молодые годы.

— Тогда добивайся его, — произнес Бо Сянь. — Не позорь отца... Альфы тайной любовью не страдают.

Наступил обеденный перерыв.

Цзян Хуай все так же лежал на парте. Одноклассники, наперегонки выбегая из кабинета, гремели стульями и столами; в коридоре шум поднялся такой, словно пронесся ураган.

Не прошло и десяти минут, как в классе снова воцарилась тишина.

Вэй Хэпин еще раньше прислал сообщение: «Тебе принести обед?»

Цзян Хуай неторопливо сел и ответил: «Не нужно».

В классе почти никого не осталось, лишь несколько прилежных учеников толпились у передней двери, задавая вопросы учителю химии.

Цзян Хуай достал из стола крафтовый пакет, в котором лежали аккуратно сложенные куртка и брюки. Он поднялся, подошел к заднему столу и засунул пакет в его выдвижной ящик.

Но едва он выпрямился, через заднюю дверь вошел человек:

— Что ты делаешь?

Цзян Хуай обернулся — Бо Цзянь.

— Одежду твою возвращаю, — гнусаво пробормотал Цзян Хуай и натянул край капюшона еще ниже.

— О-о, — Бо Цзянь даже не прикоснулся к одежде.

Цзян Хуай добавил:

— Я ее уже выстирал.

В тот день, когда он принимал душ в доме Бо Цзяня, ему пришлось одолжить у того комплект одежды.

Обычно ему не казалось, что Бо Цзянь настолько выше его, но, надев его вещи, Цзян Хуай так и не смог расправить плечи так же широко, а брючины оказались длинноваты.

Бо Цзянь подошел ближе и с легким смешком произнес:

— Мог бы и не возвращать.

Хочу поцеловать тебя, пока на тебе моя одежда.

<http://bllate.org/book/18377/1766540>